

Н. С. Клименко

Репродуктивная культура как актуальное направление современных гендерных исследований

Статья представляет собой продолжение серии публикаций, посвященных проблеме концептуализации репродуктивной культуры в рамках современных гендерных исследований. В основу работы положен принцип фрагментации и типологизации маскулинных и фемининных стратегий репродуктивной культуры. В рамках публикации анализируются основные концептуальные научные положения, актуализирующие значимые вопросы маскулинного и фемининного репродуктивного опыта. Подчеркивается значимость изучения репродуктивной культуры для гуманитарного знания в целом и для гендерных исследований, в частности. Целесообразность репродуктивного вектора в рамках современной гендерологии обосновывается эксплицитно и имплицитно присущей иерархической категоризацией по отношению к тому или иному маскулинному или фемининному репродуктивному сценарию с точки зрения общественного сознания. Анализируются перспективы традиционных и инновационных маскулинных и фемининных репродуктивных стратегий в рамках гендерного подхода к репродуктивной культуре современного российского общества.

Ключевые слова: репродуктивная культура, прокреационная стратегия, вспомогательные репродуктивные технологии, биоэтические паники, репродуктивный выбор, репродуктивное насилие, интенсивное материнство, good-enough mothering

Natalia S. Klimenko

Reproductive culture as an actual area of modern gender studies

The article continues the series of publications devoted to the problem of conceptualization of reproductive culture within the framework of modern gender studies. The work is based on the principle of fragmentation and typologization of masculine and feminine reproductive cultural strategies. Within the framework of the publication, author analyses the main conceptual scientific points that actualize significant issues of masculine and feminine reproductive experience.

The importance of the study of reproductive culture for the humanities in general and for gender studies is emphasized. The expediency of the reproductive vector within the framework of modern genderology is justified explicitly and implicitly by the inherent hierarchical categorization in relation to a particular masculine or feminine reproductive scenario from the point of view of public consciousness. The prospects of traditional and innovative masculine and feminine reproductive strategies within the framework of a gender approach to the reproductive culture of modern Russian society are analyzed.

Keywords: reproductive culture, procreation strategy, assisted reproductive technologies, bioethical panics, reproductive choice, reproductive violence, intensive mothering, good-enough mothering
DOI 10.30725/2619-0303-2022-4-38-43

Одним из наиболее дискуссионных вопросов репродуктивной культуры является вопрос о природе потребности человечества в деторождении, а точнее – о соотношении биологической и социокультурной детерминированности мужских и женских прокреационных стратегий [1, с. 25]. Традиционная натуралистическая интерпретация реализации материнских и отцовских практик, с точки зрения имманентно присущего каждому здоровому субъекту инстинкта продолжения рода, на сегодняшний день теряет свою актуальность на фоне популяризации альтерна-

тивных репродуктивных идей и стратегий [2, с. 41].

Светлана Федосеева определяет потребность в деторождении как социально обусловленную, а также отмечает ее динамичный характер – способность трансформироваться с течением времени от фактически нулевого показателя (сознательной бездетности) до ориентации мужчины или женщины на многодетность [1, с. 26]. Вышеуказанный автор также приводит классификацию прокреационных потребностей с точки зрения природы их обусловленности. Физиологическую (более актуальную для

женщин), связанную с особым телесным опытом – беременностью, родами, лактацией и т. д. К физиологической потребности С. Федосеева также относит эффект оздоровления организма, приобретаемый женщиной через перинатальные практики. К слову, на наш взгляд, утверждения о целебном воздействии беременности и родов на женский организм крайне спорны и представляют собой пример артикулированной медицинским сообществом своеобразной формы репродуктивного принуждения.

Наравне с физиологической потребностью Федосеева также выделяет психологическую (преодоление одиночества, потребность в осуществлении заботы), социокультурную (соответствие общественным нормам и традициям, повышение социального статуса), духовную (реализация любви, ощущение привязанности), на наш взгляд, данную потребность допустимо объединить с психологической, и экономическую (надежда на финансовую помощь со стороны детей в старости, нацеленность на получение социальных выплат, материнского капитала и т. д.) [1, с. 25].

Остановимся подробнее на наиболее значимой для нашей работы социокультурной потребности, а именно на факторе повышения социального статуса женщины или мужчины через реализацию материнского или отцовского социокультурного опыта. На наш взгляд, соответствие или оппозиция субъекта по отношению к прокреационным социальным стратегиям и культурным традициям конкретного общества во многом определяют его положение в гендерной иерархии. Данное предположение является основанием для более тщательного изучения репродуктивной составляющей гендерного неравенства и более детальной категоризации фемининных и маскулинных интерпретаций репродуктивных практик.

На сегодняшний день мнение о том, что западная семья пребывает в состоянии кризиса и дестабилизации, находясь под влиянием «деструктивных общественных тенденций псевдо-либерального толка» [1, с. 26], набирает популярность, что актуализирует вопрос о регулирующей и стабилизирующей функции репродуктивной культуры.

С точки зрения Марии Беляевой, репродуктивная культура «представляет собой динамическую ценностно-нормативную

систему, предназначенную для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода» [3]. Беляева концептуализирует три подсистемы репродуктивной культуры – ментальную, пронатальную и антинатальную, а также подчеркивает амбивалентность репродуктивного поведения человека, которое, в отличие от репродукции животных, может иметь как прокреационный характер, так и быть направленным на сознательное сдерживание собственной фертильности.

Некоторые авторы рассматривают репродуктивную культуру не только как составляющую культуры в целом, но и как значимый инструмент социализации и инкультурации молодежи, реализуемый через такие трансляторы как семья, церковь, школа и т. д. [3; 4, с. 40–43; 5, с. 439–440].

М. Беляева отмечает незначительную роль семьи как транслятора репродуктивных ценностей в современных социокультурных реалиях. С точки зрения повседневных практик, в условиях возрастающей однопородности семей в большинстве развитых стран далеко не все дети имеют возможность наблюдать период беременности матери и реализации ею материнских практик после рождения ребенка. Беляева также подчеркивает проблему табуирования репродуктивной тематики, до сих пор присутствующую во многих семьях, что в совокупности с потреблением сомнительной информации из сети Интернет, может приводить к сложностям при выборе адекватной репродуктивной стратегии и недостаточным знаниям о сохранении репродуктивного здоровья среди молодежи.

В своих работах М. Беляева также затрагивает роль церкви в трансляции репродуктивных и пронаталистских ценностей, отмечает активное выступление Русской православной церкви против абортов, abortивной контрацепции и вспомогательных репродуктивных технологий [6]. Стоит признать, что, несмотря на благие цели большинства религиозных конфессий стабилизировать репродуктивную составляющую культуры в направлении выравнивания депопуляции, их идеи зачастую вступают в противоречие с нарастающей индивидуализацией сознания представителей большинства развитых обществ, благодаря чему на сегодняшний день вос-

принимаются многими как репродуктивное насилие и вызывают нередкое социальное отторжение.

Проблема репродуктивного насилия как очевидного проявления гендерной интерсекциональности заключается в недостаточной концептуализированности самого понятия «репродуктивное насилие» в рамках российского гуманитарного знания, а также в латентном характере его проявлений в большинстве развитых обществ, в том числе и российском обществе.

Насилие или принуждение само по себе является «онтологическим фактором социальной воспроизводства» [7, с. 100]. Проблема репродуктивного насилия как социального прокреационного давления практически не затрагивается в российских исследованиях, в зарубежной науке оно определено эвфемизмом «*reproductive coercion*» («репродуктивное принуждение») и рассматривается преимущественно как форма гендерного насилия в межличностных отношениях между сексуальными партнерами [8; 9]. При этом нарастающие риски депопуляции в большинстве развитых обществ ведут к насильственным репродуктивным тенденциям не только на уровне межличностных взаимодействий, но и на уровне социума и государства [7, с. 103]. На социальном уровне репродуктивное насилие может проявляться в форме настойчивых советов и осуждения со стороны врачей-гинекологов, общественной стигматизации сознательной бездетности, трудностях при трудоустройстве (к примеру, предвзятость в отношении неженатых и бездетных мужчин), введении налога на бездетность и т. д.

При этом, безусловно, основными жертвами как имплицитной, так и эксплицитной формы репродуктивного насилия остаются женщины, как непосредственные потенциальные исполнители прокреационного государственного и общественного «заказа». Потребности государства и общества зачастую вступают в противоречие с индивидуальными нуждами и интересами современных женщин, требуя от последних отказаться от личного репродуктивного самоопределения в пользу общественных интересов. В данной ситуации материальное стимулирование деторождения в современном российском обществе оказывается недостаточным на фоне ограниченной доступности таких социальных институтов, как ясли и детские сады, преду-

беждения со стороны потенциальных работодателей в отношении женщин, имеющих маленьких детей, завышенных требований со стороны общества к матерям в контексте популяризации идей «интенсивного» материнства.

Проблему анализа материнства как социокультурного концепта в рамках современной гуманитаристики логично начинать с этимологической постановки вопроса. Примечательно, что в английском языке у данного понятия, в отличие от русского языка, существует несколько определений в зависимости от контекста реализации женщины своего прокреационного опыта, а именно – *motherhood*, *maternity*, *mothering*.

Motherhood представляет собой философское и культурологическое понимание материнства как социокультурного модуса, *maternity* связано с перинатальными практиками, такими как беременность, роды, перинатальные и постнатальные взаимодействия с медицинским персоналом, и наконец, *mothering* имеет отношение к повседневным материнским практикам, таким как забота, воспитание, развитие ребенка и т. д.

Именно понятие *mothering* имеет непосредственное отношение к реализации ежедневного материнского опыта и является основой для диверсификации материнства в контексте трансформации социокультурных, в том числе и гендерных, ценностей.

Демограф Ольга Исупова отмечает историческую изменчивость материнства и его непосредственную зависимость от культуры конкретного общества. Прототипом современного интенсивного материнства (т. е. воплощения идеи абсолютной включенности матери в воспитательные практики) исследователь называет дворянский тип материнства, во многом сформированный идеями Жан-Жака Руссо [10].

На сегодняшний день в большинстве развитых обществ женщины поставлены перед необходимостью интенсивного включения не только на уровне материнских практик, но и на уровне профессиональной самореализации в условиях «нового» капитализма. Проблематичность совмещения «*intensive mothering*» с «*intensive career making*» затрагивается в работах не только отечественных, но и зарубежных исследователей [11].

Говоря о российском материнстве, О. Исупова отмечает ослабевание помощи

матерям со стороны социальных институтов: к примеру, школа на сегодняшний день не способна взять на себя полноценную ответственность за образование ребенка без подключения к учебному процессу родителей или репетиторов. Демограф предсказывает дальнейшее снижение популярности интенсивного материнства в связи с его несоответствием изменившимся социальным и культурным реалиям [10].

На сегодняшний день можно наблюдать тенденцию диверсификации и фрагментации материнства, О. Исупова выделяет такие формы *mothering* как *intensive mothering*, *good-enough mothering* (достаточно хорошее материнство), *permissive mothering* (все позволяющее материнство), *free-range mothering* (*free range* – от англ. «свободный выпас», т. е. ориентированное на воспитание самостоятельности в ребенке материнство) [10].

Good-enough mothering, как отказ от материнского перфекционизма, использования реализации материнских практик как инструмента повышения собственного статуса в рамках гендерной иерархии, отношения к собственному ребенку, как к проекту, в последнее время набирает популярность и среди психологического сообщества, и в рамках интернет-коммуникации, как в отечественной интерпретации, так и за рубежом [12].

Данная типологизация материнских повседневных воспитательных практик, на наш взгляд, актуализирует потребность во фрагментации ежедневных маскулинных родительских стратегий и сужении английского понятия *«fatherhood»* и *«parenthood»* до *«fathering»* в контексте анализа степени включенности отца в собственное родительство и влияния данной включенности на положение мужчины в маскулинной гендерной иерархии.

Еще одним немаловажным основанием для фрагментации современного родительства (как на маскулинном, так и на фемининном уровнях) является отношение к проблеме использования вспомогательных репродуктивных технологий. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) представляют собой довольно сложную и дискуссионную тему, непосредственно связанную с проблемой репродуктивного выбора и репродуктивного самоопределения. С одной стороны, ВРТ расширяет число возможных потенциальных родителей, что вполне соответствует прокреационной по-

литике российского государства, с другой – данное явление наталкивается на противодействие в форме «биоэтических паник» со стороны части общества и стигматизации со стороны духовенства [13].

В контексте реализации прокреационных стратегий в ситуации ограниченных собственных репродуктивных возможностей О. Исупова предлагает фрагментировать современное материнство не только как биологическое и социальное (усыновление, опека и т. д.), но и типологизировать биологическое материнство как генетическое и гестационное в рамках использования ВРТ [13, с. 37].

Генетическое материнство реализуется через использование услуги сурrogатного материнства, гестационное – посредством подсадки женщине донорских яйцеклеток. О. Исупова отмечает, что при реализации пренатальных практик генетического материнства женщина совместно с супругом (при его наличии) по сути начинает исполнять роль отца – заботится о здоровье сурrogатной матери, качестве ее рациона, ходит вместе с ней на УЗИ и т. д. [13, с. 37]. Дифференциация генетического и гестационного материнства также присутствует и на уровне телесного опыта женщины – при генетическом материнстве, являясь биологической матерью, женщина лишена возможности непосредственной родовой деятельности и последующего грудного вскармливания, в противоположность материнству гестационному. Какое материнство является наиболее полноценным и позволяющим женщине максимально реализовать собственные прокреационные потребности – вопрос глобальный и достойный отдельных академических исследований.

Современное отцовство в данном контексте можно фрагментировать как биологическое (естественное), генетическое (донор эякулята) и социальное (усыновление, использование услуг донора и т. д.). Темой отдельного исследования может стать анализ влияния прокреационного пути и репродуктивных возможностей мужчины на его положение в маскулинной иерархии конкретного общества.

Подводя итог исследования, мы хотим признать, что объем статьи не позволил всесторонне охватить весь комплекс социокультурной проблематики, находящейся на стыке гендера и репродукции. Проблематизация в рамках данной работы таких

гендерно-репродуктивных аспектов, как репродуктивное насилие, фрагментация и типологизация репродуктивных стратегий, гендерная иерархия актуализирует дальнейшее изучение репродуктивной составляющей гендерной культуры как части культуры в целом. Наиболее значимым в рамках дальнейших исследований, на наш взгляд, является поиск баланса между свободой репродуктивного самоопределения личности и социальными рисками разрушения традиций, демографического кризиса и депопуляции. Логическим продолжением исследования также может служить концептуализация репродуктивного насилия в отношении мужчин и анализ специфики его проявлений, поиск путей снижения репродуктивного давления на женщин в контексте преимущественной оценки женщины по ее прокреационному потенциалу.

Список литературы

1. Федосеева С. Ю. К вопросу о становлении понятия «репродуктивная культура» // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. / Волгоград. гос. социал.-пед. ун-т. 2017. № 5 (52). С. 25–29. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/57> (дата обращения: 02.11.2022).
2. Клименко Н. С. Гендерные интерпретации репродуктивных стратегий в культуре современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3 (44). С. 41–45.
3. Беляева М. А. Роль семьи и церкви в формировании репродуктивной культуры // Мир науки: интернет-журнал. 2015. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19KMN115.pdf> (дата обращения: 02.11.2022).
4. Алешина Л. И., Федосеева С. Ю. Интегративные характеристики репродуктивной культуры как основы психического здоровья учащейся молодежи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. 2021. № 4 (157). С. 40–44.
5. Чанчаева Е. А., Мищенко Е. В., Костюнина А. А., Водолева В. А., Козлов А. В. Воспитание репродуктивной культуры студентов средних специальных учебных заведений // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 2 (204). С. 439–444.
6. Беляева М. А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 256 с.
7. Прохоренко Ю. И. Репродуктивное насилие: постановка проблемы // Ученые заметки ТОГУ : электрон. науч. изд. / Тихоокеан. гос. ун-т. 2019. № 3 (10). С. 99–104. URL: <https://pnu.edu.ru/media/ejournal/>

articles-2019/TGU_10_170.pdf (дата обращения: 02.11.2022).

8. Grace K. T., Anderson J. C. Reproductive Coercion: A Systematic Review // Trauma, Violence & Abuse. 2018. № 19 (4). P. 371–390.
9. Grace K. T., Fleming C. A Systematic Review of Reproductive Coercion in International Settings // World Medical & Health Policy. 2016. № 8 (4). P. 382–408.
10. Интенсивное материнство: видео // ПостНаука. 2021. 14 сент. URL: <https://postnauka.ru/video/156670> (дата обращения: 02.11.2022).
11. Verniers C., Bonnot V., Assilamehou-Kunz Y. Intensive mothering and the perpetuation of gender inequality: Evidence from a mixed method research // Acta Psychologica. 2022. Vol. 227, № 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/360588269_Intensive_mothering_and_the_perpetuation_of_gender_inequality_Evidence_from_a_mixed_methods_research (дата обращения: 02.11.2022).
12. Pedersen S. The good, the bad and the «good-enough» mother on the UK parenting forum Mumsnet // Women's studies international forum. 2016. № 59. P. 32–38.
13. Исупова О. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 35–64.

References

1. Fedoseeva S. Yu. To the issue of the formation of the concept «reproductive culture». *Facets of knowledge: electronical sci.-educational j. / Volgograd State Social and Pedagogical Univ.* 2017. 5 (52), 25–29. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/57> (accessed: Nov. 02.2022) (in Russ.).
2. Klimenko N. S. Gender interpretations of reproductive strategies in the culture of modern Russian society. *Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture.* 2020. 3 (44), 41–45 (in Russ.).
3. Belyaeva M. A. The role of the family and the church in the formation of reproductive culture. *World of Science: Internet j.* 2015. 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19KMN115.pdf> (accessed: Nov. 02.2022) (in Russ.).
4. Aleshina L. I., Fedoseeva S. Yu. Integrated characteristics of the reproductive culture as the basis of mental health of students. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical Sciences. Philological Sciences.* 2021. 4 (157), 40–44 (in Russ.).
5. Chanchaeva E. A., Mishchenko E. V., Kostyunina A. A., Vodoleeva V. A., Kozlov A. V. Education of the reproductive culture of students of secondary specialized educational institutions. *Scientific notes of the university named after P. F. Lesgaft.* 2022. 2 (204), 439–444 (in Russ.).
6. Belyaeva M. A. Culture of reproductive behavior in Russian everyday life: monograph. Yekaterinburg: Ural state pedagogical univ., 2011. 256 (in Russ.).

7. Prokhorenko Yu. I. Reproductive violence: problem statement. *Scientists notes PNU: electronic sci. j. / Pacific nat. univ.* 2019. 3 (10), 99–104. URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2019/TGU_10_170.pdf (accessed: Nov. 02.2022) (in Russ.).
8. Grace K. T., Anderson J. C. Reproductive Coercion: A Systematic Review. *Trauma, Violence & Abuse.* 2018. 19 (4), 371–390.
9. Grace K. T., Fleming C. A Systematic Review of Reproductive Coercion in International Settings. *World Medical & Health Policy.* 2016. 8 (4), 382–408.
10. Intensive motherhood: video. *PostNauka.* 2021. Sept. 14. URL: <https://postnauka.ru/video/156670> (accessed: Nov.02.2022) (in Russ.).
11. Verniers C., Bonnot V., Assilamehou-Kunz Y. Intensive mothering and the perpetuation of gender inequality: Evidence from a mixed method research. *Acta Psychologica.* 2022. 227 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/360588269_Intensive_mothering_and_the_perpetuation_of_gender_inequality_Evidence_from_a_mixed_methods_research (accessed: Nov. 02.2022)
12. Pedersen S. The good, the bad and the «good-enough» mother on the UK parenting forum Mumsnet. *Women's studies international forum.* 2016. 59, 32–38.
13. Isupova O. Assisted reproductive technologies: new opportunities. *Demographic Review.* 2017. 4 (1), 35–64 (in Russ.).